

Влияние соседних культур можно проследить в области технологий, особенно в металлургии, где происходил перенос знаний и технологий производства орудий труда и оружия. Керамика Алакульско-Атасуйской культуры также претерпела изменения под влиянием соседних культур, новые формы, техники обжига и росписи были заимствованы у соседей, что способствовало разнообразию керамических изделий [2].

Религиозные верования и обряды играли важную роль в жизни Алакульско-Атасуйской культуры. Находки, связанные с почитанием природы, такие как жертвенные сосуды с изображениями солнца и луны, указывают на культ природных сил. Вероятно, племена поклонялись солнцу как источнику света и тепла, а также считали воду и землю священными стихиями. Погребальные ритуалы указывают на развитую систему погребения, где использовались сложные ритуалы с верой в загробную жизнь [4].

Найденные останки животных в погребениях говорят о том, что племена практиковали жертвоприношения, которые могли быть связаны с почитанием богов или сопровождать погребальные церемонии. Останки ритуальных предметов, фигурок животных и изображений стилизованных существ предполагают существование веры в духов предков и животных. Тотемизм мог быть основой для религиозных обрядов, где животные символизировали духовные силы, защищающие племя [3].

Алакульско-Атасуйская культура представляет собой важнейший этап в развитии бронзового века Центральной Азии и Казахстана. Ее материальное наследие, включающее сложные погребальные комплексы, развитые поселения и высокоразвитую металлургию, свидетельствует о высоком уровне социальной организации и технологического развития. Финал алакульской культуры в 15-14 веках до нашей эры связан с формированием памятников алексеевско-саргаринского типа, что демонстрирует преемственность культурных традиций в регионе.

Изучение Алакульско-Атасуйской культуры позволяет не только понять процессы, происходившие в древности, но и выявить истоки культурных, экономических и социальных трансформаций, которые продолжают влиять на современное общество Казахстана. Дальнейшее исследование этой культуры необходимо для сохранения археологического наследия и формирования национальной идентичности.

Список использованной литературы:

1. Сальников К.В. Очерки древней истории Южного Урала. М.: Наука, 1967. 408 с.
2. Евдокимов В.В., Варфоломеев В.В. Эпоха бронзы Центрального и Северного Казахстана. Караганда: Изд-во КарГУ, 2002. 183 с.
3. Зданович Г.Б. Бронзовый век Урало-Казахстанских степей. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1988. 177 с.
4. Усманова Э.Р. Могильник Лисаковский I: факты и параллели. Караганда: Карагандинский гос. ун-т; Алматы: Демеу, 2005. 232 с.
5. Фомичев А.В. Особенности организации металлопроизводства алакульской культуры в Мугоджарах // Геоархеология и археологическая минералогия. 2019. Т. 6. С. 117-120.
6. Потемкина Т.М. Бронзовый век лесостепного Приоболжья. М.: Наука, 1985. 376 с.
7. Ткачев А.А. Центральный Казахстан в эпоху бронзы. Тюмень: Изд-во ТюмГУ, 2002. 289 с.

АВТОРСТВО ПЕСНИ ДУДАРАЙ

Тайшикова М.

Научный руководитель: старший преподаватель Т.В. Кошман
Евразийский национальный университет имени Л. Н. Гумилева

meruyert.t.01@mail.ru

г. Астана

В данной статье предпринята попытка анализа различных точек зрения на авторство песни «Дударай», одного из самых знаменитых и спорных произведений казахского музыкального наследия, на основе анализа истории песни, основанный на биографических свидетельствах, музыковедческих оценках и текстологическом сравнении различных версий. Исторически песня была закреплена за ее героиней, русской девушкой Мариям Жагорқызы, чья трагическая история любви с казахским юношей Дүйсенем стала символом «дружбы народов» в советский период.

Анализ основан на биографических свидетельствах, музыковедческих оценках профессиональных композиторов и сравнительном анализе различных текстовых вариаций, включая версии Үлебая сала и Машхура Жусупа Копейұлы. Исследование рассматривает идеологические причины, которые привели к официальному закреплению авторства, и раскрывает роль истинного создателя мелодии.

Песня «Дударай» является символом межкультурной любви и личной трагедии, получив широчайшее распространение, что привело к ее глубокой фольклоризации и, как следствие, к размыванию истинного авторства. На протяжении почти столетия вокруг «Дударай» ведутся дискуссии, усугубленные идеологическими искажениями советского периода.

Мария Егоровна Рекина (Мариям Жагорқызы) родилась в 1887 году в местности Коргалжын. Ее семья, русских крестьян-переселенцев, глубоко интегрировалась в казахскую среду: ее отец Жагор (Егор) и его дети тесно общались с казахами, держали кобылиц и готовили кумыс. Мариям с юных лет отлично владела казахским языком, сочиняла песни и, по воспоминаниям родных, даже играла на домбре [1]. Ее старший брат Мақсым, в частности, принял ислам и обрил голову, что подчеркивает глубокую культурную ассимиляцию семьи Рекиных [2, с.19-20].

Трагическая основа песни заложена в конфликте, вызванном этой межнациональной и межконфессиональной любовью. Их отношения, начавшиеся примерно в 1912 году, были наполнены драматизмом, поскольку вызывали протест как со стороны русской части населения, так и со стороны казахских старейшин, не одобрявших брак с «иноверкой». Родственники Мариям, не желая ее брака с казахом, обманом увезли ее в Акмолу, где пытались насильно выдать за купца Андрея. Дүйсен вместе с верными друзьями, включая Үлебая сал Өнетұлы, спас ее, и пара вынуждена была скрываться 40-50 дней в укромных местах Коргалжынской степи, таких как камыши у реки Нура, а затем - у мавзолея Баршын. Позднее Дүйсен умер, прожив с Мариям около 5-6 лет [3, с.341]. Причины его смерти разнятся: тиф, осложнения после прививки, или, по более драматической версии, избиение старейшинами за брак с русской девушкой [2, с.21-22].

Именно глубина этих чувств и стала толчком к рождению знаменитой песни «Дудар-ай». Она была написана Мариям как искренний порыв души, ставший своеобразным манифестом верности, преодолевающей любые преграды. Ключевым в тексте стал образ самого возлюбленного: прозвище «Дудар» (кудрявый) Дүйсен получил из-за своих длинных, определенным образом уложенных волос. Эти черты любимого Мариям с любовью описала в песне, ставшей её личной исповедью. Сквозь музыку она передала всю глубину своих переживаний, навсегда связав в народной памяти своё имя с именем Дүйсена.

В 1920-е годы этнограф и собиратель музыки А.В.Затаевич записал несколько вариантов песни «Дударай» от Мариям. А.В.Затаевич зафиксировал, что песня родилась «из искренних чувств» Мариям [4]. Это закрепило за ней роль ключевого носителя и, как предполагалось, автора произведения. Однако важно понимать, что факт записи А.В.Затаевичем следует трактовать не как прямое доказательство единоличного авторства, а как документацию фольклорного произведения из уст его главной героини. Мариям была идеальным свидетелем и исполнителем этой истории, но анализ ее способностей и музыкального стиля позже вызовет серьезные сомнения в ее авторстве мелодии [2, с.8-9].

Текстологический анализ ранних версий, в частности, зафиксированной Машхуром Жусупом Копейұлы, обнаруживает, что ключевым мотивом драмы был не только межнациональный брак, но и глубокий религиозный выбор Мариям, которая «Дініне Мұхаммедтің ғашық болып» (влюбилась в религию Мухаммеда) и избегала христианской церкви («Кәпірдің крестный пале діні қашық») [3, с.344-345]. Этот религиозный аспект, отражающий ее полную культурную самоидентификацию с казахской средой, был опущен в поздних трактовках, которые фокусировались исключительно на теме «дружбы народов» [5].

В советское время песня «Дударай» приобрела статус государственного культурного символа. Исследователи и власти целенаправленно относили ее к «народным» произведениям, приспособив ее историю к идеологической доктрине, представляя ее как яркий пример торжества межэтнической любви в многонациональном государстве.

Кульминацией этого процесса стало официальное признание Мариям Жагорқызы: в 1945 году она была удостоена почетного звания Заслуженного деятеля искусств Казахской ССР [6]. Укрепление официальной версии было также обеспечено через профессиональное искусство: на основе легенды была создана опера Е.Брусиловского «Дударай» (1953) и поэма Қ.Бекхожина «Мариям Жагорқызы» (1950).

Парадоксально, но среди профессионального музыкального сообщества Казахстана, включая тех, кто занимался сохранением фольклора и созданием канонических произведений, сомнения относительно единоличного авторства Мариям сохранялись. Эти сомнения, однако, приходилось скрывать из-за политической конъюнктуры того времени.

Үлебай, будучи сал-сері (поэтом-певцом), обладал талантом импровизации и сочинения сложных, сюжетных баллад. Его великодушие позволило песне «Дударай» прославить имя Мариям и стать символом «дружбы народов» в советскую эпоху, несмотря на то, что он видел, как слава, связанная с его произведением, достается другому. Он смиренно перенес это забвение, как «настоящий пірәдар (смиранный праведник)».

К сожалению, большая часть наследия Үлебая, который сам не умел писать, была утрачена. Его жена Жамила, рассерженная его «серийскими выходками», раздавала его рукописи и стихи всем подряд, что привело к их потере. Тот факт, что «Дударай» сохранилась, обусловлен ее связью с идеологически значимым образом Мариям.

Великий композитор Е.Брусиловский, создавший оперу на основе песни, в своих мемуарах высказывал глубокие сомнения. Он отмечал, что «по форме и характеру это типично мужская песня» с мощным верхним регистром, идеально подходящая для тенора. Е.Брусиловский подчеркивал, что создать такое выразительное произведение мог только талантливый казахский певец, а утверждение, что песню сочинила Мариям, вероятно, является «романтическим мифом» [2, с.13-14].

Музыковедческие аргументы Е.Брусиловского, основанные на анализе вокальной формы, являются независимым доказательством. Стилистические особенности песни указывают на принадлежность к исполнительской школе сері (степных певцов) аркинской традиции, а не к способностям женщины.

Аналогичную позицию занимал академик А.Жубанов. Он, как и Е.Брусиловский, признавал в частных беседах, что «такую классическую песню не могла сочинить русская девушка, приспособившаяся к казахскому быту» [7]. А.Жубанов, вынужденный писать о Мариям крайне сдержанно в своей книге «Замана бүлбүлдары», признался, что он, Е.Брусиловский и Б.Ерзакович знали истину, но были вынуждены молчать под давлением системы. Более того, Б.Ерзакович, который также встречался с Мариям, неохотно признал, что она «не умела петь». Этот факт напрямую ставит под вопрос ее звание Заслуженного деятеля искусств, полученное, предположительно, за исполнение «ее» песни [2, с.25-26].

В последние десятилетия XX века и после обретения Казахстаном независимости, истинное авторство песни «Дударай» стало объектом активной ревизии, указывающей на Үлебая сал Әнетұлы (1892-1967). Үлебай был казахским сері (свободным художником, поэтом-певцом) из рода Тінәлі, другом Дүйсена, который играл ключевую роль в истории любви пары, помогая им скрываться и выступая в роли связующего звена.

Свидетельства потомков и современников, собранные исследователями, убедительно указывают на авторство Үлебая. Краевед Н.Еңсебаев зафиксировал воспоминания, согласно которым Мариям сама говорила, что «получила первоначальный вариант этого стихотворения от Үлекена». Самым сильным доказательством является прямое признание дочери Мариям, Мүслимы Боранбековой. Она однозначно заявила, что «Дудар-ай» «по правде говоря, принадлежит Үлебаю» [2, с.25].

Свидетели помнили, как в 1950-х годах, после получения высокого звания, Мариям Жагорқызы публично выразила благодарность Үлебаю, вручив ему в знак признательности почетный китайский халат и сказав: «Ты прославил моё имя!». Этот жест, наблюдаемый многими старожилками, воспринимался как акт передачи славы истинному творцу, который великодушно позволил песне жить под именем своей подруги [2, с.25].

Доказательством единства авторского стиля Үлебая является его другая известная песня - «Шайтан торы» («Сеть-дьявола»), созданная в годы Великой Отечественной войны (1941-1942 гг.) [2, с.34].

Как и «Дударай», песня «Шайтан торы» основана на реальном сюжете о запретной любви (между девушкой Дамежан и следователем Дарапом) и ведется от лица девушки-героини. В песне «Шайтан торы» повторяется мотив «уағда» (обещания), которое Дарап не выполняет, заставляя Дамежан томиться ожиданием, что напрямую перекликается с упреками Марьям Дүйсену в «Дударай». Это явление указывает на то, что «обе песни вышли из одного сердца, из одной души», то есть созданы одним и тем же мастером [2, с.36].

Текстологический анализ позволяет выделить три основных пласта песни, отражающих ее эволюцию и различные акценты: версию Үлебая, версию Машхура Жусупа Копейулы и современную версию. Изначально песня была «длинным лирическим сказанием», которое со временем сжалось до классической лирической песни, что является естественным процессом фольклоризации.

Версия Үлебая (Сюжетная): Эта версия, вероятно, наиболее близка к первоначальному замыслу. Она начинается с четкого представления героини: «Мариям - өзім атым, әкем-Жагор». Она содержит прямые обращения к Дудару/Дүйсену, в том числе упреки в невыполнении обещания и даже грубый, но экспрессивный упрек в измене: «Сигенде катын басқа өлмедің бе?!» (Когда мочился, почему не умер на чужой женщине?!). Эта резкая, сатирическая прямота является важным стилистическим маркером, характерным для творчества казахских сері, а не для женской лирики.

Версия Машхура Жусупа Копейулы (Религиозная): Эта версия, зафиксированная в его сборнике, наиболее полно раскрывает религиозный конфликт. В ней прямо говорится о любви Мариям к исламу («Дініне Мұхаммедтің ғашық болып») и ее отторжении христианства («Кәпірдің крестный пале діні қашық»). Упрек Дүйсену также связан с конфессиональным вопросом: «Кәпір деп, діні басқа сенбедің бе?!». Эта версия содержит трагический мотив желания смерти, чтобы избежать брака с «бір жаманға» (плохим человеком), где героиня держит в руке острые ножницы.

Современная версия (Классическая): Канонизированный вариант, широко известный сегодня, очищен от грубых упреков и религиозных мотивов. Он фокусируется на универсальной лирике: трагические строфы о ножницах и могиле, а также на четко выделенном припеве: «Дударари-дудым, Бір сен үшін тудым! Шіркін-ай, Дударари-дудым!». Эта версия представляет собой результат фольклоризации и адаптации для сцены, где конфликты сведены к романтической тоске.

Все версии, независимо от их идеологического наполнения, изобилуют конкретными топонимами (озера Ащыкөл, Тұщыкөл, местность Өтебай). Эти географические детали, известные лишь местным жителям Коргалжынского края, придают песне документальную достоверность. Их наличие в тексте является убедительным доказательством того, что песня была создана именно в этом локальном культурном пространстве, где жили Мариям, Дүйсен и Үлебай, которые были ровесниками и друзьями.

Анализ всех доступных исторических, музыковедческих и текстологических данных позволяет сделать вывод, что песня «Дударай» возникла как продукт коллективного творчества, вдохновленного реальной трагической историей любви, где Үлебай (Рахметулла Әнетұлы) создал каноническую мелодию и структуру, а Мариям (Мария Егоровна Рекина) предоставила сюжет, став лицом и символом песни.

Песня «Дударай» является ярким примером того, как идеологические установки могут исказить историческую истину, прославляя символы, а не их истинных создателей. Песня, пройдя путь от личного лирического сказания до идеологического гимна «Отан үшін» и, наконец, до классического концертного произведения, навсегда остается жемчужиной казахского музыкального искусства.

Со временем популярный мотив, переходя в разряд общенародного достояния, начинает использоваться для выражения патриотизма. Этот процесс - классический пример фольклоризации, когда оригинальный напев становится универсальной музыкальной канвой для создания новых текстов.

Список использованной литературы:

1. Полюбила Мария Дудара //Время общественно-политическая газета Казахстана[Электронный ресурс]. Режим доступа 24.11.2025. <https://time.kz/news/archive/2011/05/04/polyubila-mariya-dudara>
2. Жақанов И. Дудар-ай. - Астана: «Ән-тағдыр» сериясы. Фолиант, 2012. - 48 с.
3. Байбосын С. Коргалжын. - Павлодар: ЭКО, 2018. С.336-345
4. Затаевич А.В. 1000 песен казахского народа (2 издание). - Москва: Государственное музыкальное издательство, 1963. - 496 с.
5. В тесной связи с народным творчеством [Электронный ресурс]. Режим доступа 24.11.2025 <https://msk.kprf.ru/2025/11/11/279394/>
6. Звание Заслуженного деятеля искусств присвоено Мариям Жагор [Электронный ресурс]. Режим доступа 24.11.2025 <https://kzaif.kz/day-after-day/zvanie-zasluzhennogo-deyatelya-iskusstv-prisvoeno-mariyam-zhagor>
7. Жұбанов А. Замана бұлбұлдары. - Астана: Қазақстың мемлекеттік көркем әдебиет баспасы, 1963. - 313 с.